

21 марта 1985 г.

ЕГО БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ

Университетский музыкальный директор города Гёттингена Иоганн Николаус Форкель издает в 1802 году маленькую книжечку в 69 страниц. Помимо бережно собранных автором сведений, полученных от сыновей Иоганна Себастьяна Баха, в ней произнесено то, что еще не говорилось никем: «Произведения, которые оставил нам Бах,— бесценное национальное сокровище»,— пишет Форкель, обращаясь к немцам. Биограф Баха не переоценил значения его творчества. Он просто утверждал это первый в самом начале XIX столетия. К концу того же столетия Рихард Вагнер скажет нечто похожее: «...Надо с глубоким вниманием рассмотреть почти необъяснимое загадочное явление и музыкальное чудо—Себастьяна Баха... Посмотрите на этого мастера, в поисках работы странствовавшего как жалкий кантор и органист по маленьким городкам Тюрингии, название которых мы едва ли знаем сейчас. Он был настолько незаметен, что понадобилось целое столетие, чтобы извлечь из неизвестности его произведения... Я только указываю на эти творения, ибо невозможно каким-нибудь сравнением передать их богатство, возвышенность и все заключенное в них значение».

История баховской жизни заставляет задуматься. Можно ли представить ее окруженной лаврами и наградами? Естественно текущая, она как будто не имеет ничего примечательного. Порой думаешь о ком-нибудь: какая необыкновенная жизнь, а здесь хочется сказать: какая с виду обыкновенная!

Родился в 1685 году в маленьком городе Айзенахе. К этому времени семья насчитывала уже не одно поколение музыкантов. Рано осиротел. С 15 лет сам себя содержал. Женится, пошли дети. Работал органистом, скрипачом, капельмейстером в небольших городах. Всегда смиренно учился у всех, у кого только возможно чему-нибудь научиться. Осваивая творения старых мастеров и современников, переписывал их музыку. «Рукописные копии Баха—одно из прекрасных свидетельств его скромности»,—пишет Альберт Швейцер.

Овдовев, Бах женится второй раз. У него много детей и от первого, и от второго брака. Этот многодетный отец опровергает все наши привычные представления о том, что гений должен быть свободен от семейных забот. Бах, воспитатель своих детей, сознательно окружает себя музыкантами. Обучая их, он растит своих будущих помощников. Унаследованная им принадлежность к «музыкальному цеху» продолжает себя. Баховское семейство немного напоминает известные школы живописцев: «Мастерскую Рубенса», «Школу

Ван Дейка». В дальнейшем сыновья Баха Филипп Эмануэль, Вильгельм Фридеман, Иоганн Кристиан становятся знаменитыми композиторами, слава которых на время заслоняет имя отца.

После шестилетней службы в маленьком Кётене Бах пытается перебраться в большой город. Дети выросли, им надо дать хорошее образование. Узнав, что в Гамбурге церкви святого Иакова нужен органист, он едет туда, чтобы принять участие в конкурсе. Игра его вызвала всеобщее восхищение. В органном мастерстве, в искусстве импровизации Бах не имел себе равных. Однако на должность церковного органиста взяли другого претендента, некоего Хейтмана. Позднее выяснилось, что тот внес «на нужды церкви» 4.000 марок. «Он, должно быть, не подоревал»,—иронически замечает А. Швейцер,—что этими деньгами заплатил и за место в любой биографии Баха, то есть приобрел бессмертие». Лишь через два года Баху удалось получить работу в крупном городе. Он стал кантором в церкви святого Фомы в Лейпциге и в этой должности находился 27 лет—до самой смерти.

Бах никогда не выезжал в другие страны. Города, где он бывал, находят сегодня на расстоянии недолгой автомобильной поездки. Ему хватало для жизни и творчества той земли, на которой родился. Его биография небогата внешними событиями. Огромный

труд, который ныне представляется непостижимым, когда мы окидываем взглядом все созданное им, был повседневным делом. Он портил себе глаза, регулярно переписывая ноты ночами (днем надо было исполнять служебные обязанности). Под конец жизни ослеп и свои последние сочинения диктовал.

На вопрос, заданный ему однажды: «Как вам удалось достигнуть такого мастерства?»—он ответил: «Я был с детства очень прилежен. Если бы все люди были бы так прилежны, как я, они, вероятно, достигли того же». Чего больше в этом ответе—юмора или скромности?

«Сам он не сознавал величия своих творений...»—пишут о Бахе. Можно ли с этим согласиться? Даже если художник не оставил нам никаких высказываний о своем искусстве—что мы знаем о его собственной внутренней самооценке? Может быть, все-таки догадывался?

Есть одна замечательная особенность Баха, в которой проявляется сущность его характера: он никогда не жаловался на то, что мир не принимает его творений. Его не удивляло, что люди, высоко оценивая его органную игру, не понимают его творчества.

Бах словно прожил две отдельные, параллельно протекающие жизни. В одной из них он враждовал, сопротивлялся, терпел неудачи, огорчался или радовался своим земным делам. В другой он был совер-

шенно свободен и счастлив. Первая налагала на него путы обязанностей, забот, требовала напряжения, заставляя жить в постоянных хлопотах и трудностях. Во второй он ни от чего и ни от кого не зависел: ни от вкусов издателя, ни от пристрастий публики.

Бах имел репутацию очень серьезного, основательного музыканта. Телеман посвящает его памяти сонет. Сын Филипп Эмануэль называет его «великим» и, вспоминая детские годы, свидетельствует, что ни один крупный музыкант, посетивший Лейпциг, не миновал их дома. Известность Баха как специалиста во многих сферах «музыкальных наук» была многогранной и глубокой. Его приглашали в качестве эксперта, когда надо было опробовать новые инструменты (орган, клавесин), проверить акустические возможности зала (он был выдающимся знатоком акустики). Его уважали как регента хора, органиста, мастера контрапункта, автора кантат и мотетов, но при этом в музыкальном словаре, вышедшем в то время, Бах вообще не упоминается как композитор. Вряд ли кто-нибудь из тогдашних музыкантов догадывался, что его музыке уготована столь долгая жизнь. Большинство баховских сочинений не было известно. После его смерти попытка Филиппа Эмануэля напечатать «Искусство фуги» оказалась явно неудачной: никто не хотел покупать ноты, и сын был вынужден продать на переплавку медные доски с текстом последнего сочинения отца.

Подлинным открытием баховской музыки стало исполнение в 1829 году в Берлине «Страстей по Матфею» под руководством двадцатилетнего Мендельсона. Это произошло ровно через сто лет, после того как сочинение прозвучало впервые еще при жизни автора. Интерес к Баху растет и ширится. Возникает «Баховское общество», которое ставит целью издание всех его произведений. По инициативе Листа в Айзенахе к 200-летию со дня рождения Баха устанавливается памятник. В начале XX столетия выходит в свет прекрасная монография, посвященная жизни и творчеству Баха. Ее написал врач, музыкант, миссионер, философ Альберт Швейцер. И наконец в наши дни появляется уникальный интерпретатор музыки Баха—Глен Гульд. Баховский ренессанс, начатый XIX веком, продолжает свой путь.

Бах создает свою музыку в традициях немецкой органной культуры. Предшествующее ему время—эпоха расцвета полифонии. Это тот музыкальный язык, на котором он свободно говорит и мыслит. Бах ставит задачу, которая в его сознании не имеет никаких прагматических целей. Для не-

го главная необходимость—найти свое решение. Наглядный пример идеально точной конструкции трехголосная инвенция фа минор. Сделанная совершенно простыми, математически чистыми линиями, она запечатлела в себе образ высокого духовного значения. Часто композитор берет готовую формулу и не ставит себе задачу найти новую. Бах движется поверх всего уже найденного. Его поиск устремлен в беспредельность. Он ищет надежный способ работы с музыкальным пространством. Бах, как никто, умеет «очеловечить» абстрактный язык контрапункта. В абсолютной музыкальной форме живет эмоциональное богатство человеческой речи, подлинность душевных состояний и переживаний, мудрое осознание бытия.

Бах понимал и любил все возрасты человека. Его музыка окружает наше детство, как только мы подходим впервые к инструменту и открываем ноты. Маленькие пьески для начинающих названы именем жены: нотная тетрадь Анны Магдалены Бах. Сыновья Баха по ней учились музыке. Сегодня по этой же тетради учатся все малыши. Дети Баха выросли, вступали в отрочество. Возникли двухголосные инвенции, маленькие прелюдии и фуги, трехголосные инвенции, французские сюиты. Когда музыкант становится мастером, он открывает для себя великие материи—48 прелюдий и фуг во всех мажорных и минорных тональностях, шесть английских сюит, шесть партит, Гольдберг-вариации. Баховская вселенная необозрима. Чтобы исполнить только органное сочинение Баха, современному органисту надо сыграть пятнадцать сольных программ. Кантаты, мессы, скрипичные и виолончельные сонаты, пассионы, Рождественская оратория, Магнификат, бесчисленное множество ансамблевых сочинений, Бранденбургские концерты...

Музыка Баха звучит на любых инструментах, не будучи закреплена навечно ни за одним из них. Ее можно перекладывать, менять фактуру, что постоянно делал и сам Бах, но при этом она ничего не теряет. В многочисленных транскрипциях, обработках эта музыка сохраняет свой глубокий смысл и нерукотворную красоту.

Баховское творчество—явление титаническое. Его объем и величие поражают сверхвременным охватом.

В наши дни исполняется триста лет величайшему гению. Его судьба и творчество стали постоянным духовным источником, который никогда не иссякнет.

Вера ГОРНОСТАЕВА.